

— Эти люди были специально подобраны для тебя. Их сила, скорость и даже техника кулака почти такие же, как у тебя. Больше я ничего говорить не буду, тебе нужно просто внимательно посмотреть эти записи, и ты поймёшь, почему ты всё время проигрываешь.

Многим вещам нужно научиться самому. Сколько бы другие ни говорили, если не понимаешь — не понимаешь. Чан Мин явно знал толк в воспитании людей и верил, что у этого юноши есть способности к пониманию. Если после просмотра записей он не поймёт, то и воспитывать его не стоит.

Ань Цзялунь не подвёл его. Уже через десять минут просмотра на его лице появилось задумчивое выражение, а ещё через десять минут он всё осознал. Однако юноша не стал сразу высказываться, а внимательно досмотрел все записи до конца, закрыл глаза, глубоко вдохнул и снова поклонился Чан Мину.

— Я понял. Спасибо, брат Мин.

Это была искренняя благодарность. Если бы не Чан Мин, он, вероятно, ещё долго бы мучился сомнениями, и, возможно, даже умер бы от истощения на гравитационной тренировочной площадке, так и не поняв, почему проигрывает.

Разница между ним и его противниками заключалась не в силе, не в скорости и не в технике, а в том... что он был недостаточно жесток. Поскольку это не была схватка на жизнь и смерть, он всегда старался сохранить себя, считая безопасность главным, но его противники думали иначе. Они относились к каждому бою как к смертельной схватке.

Поэтому он каждый раз проигрывал, и проигрывал позорно. Его настоящий проигрыш был в его отношении. Он был слишком мягкосердечен, и его удары были слабы, но противники не знали жалости. Их удары били в полную силу.

— Это подпольная арена, не парк развлечений. Те, кто выходит на ринг, — волки, не овцы. Даже если у овцы есть рога, она всё равно остаётся овцой. Если не хочешь, чтобы тебя съели, постарайся стать волком.

Чан Мин пододвинул к нему бокал. Это была не «Слеза русалки», а золотой эль под названием «Ледяное пламя», который, как говорили, мог иметь крепость до ста градусов.

Задумавшись всего на секунду, Ань Цзялунь одним глотком выпил «Ледяное пламя» с выражением лица, будто шёл на казнь. В следующую секунду его закашляло, и на глазах выступили слёзы.

Чан Мин громко рассмеялся, хлопнул его по плечу и сказал:

— Уже немного похоже на злость. Запомни: чтобы быть жестоким к другим, нужно сначала научиться быть жестоким к себе. Я нашёл тебе новых противников. Завтра ты снова выйдешь на ринг?

Это был вопрос, не требующий ответа. Ань Цзялунь не знал, правильным ли было его решение, но желание стать сильнее в этот момент стало особенно острым.

«Чтобы победить врага, нужно сначала победить себя».

Эта фраза из автобиографии генерала Тайиса имела схожий смысл с тем, что сказал Чан Мин, и сейчас Ань Цзялунь понял её глубже. Если бы он не жалел противников на ринге, хулиганы с

улицы Чёрной Кошки вряд ли осмелились бы ему мстить.

Победить свою трусость, свою слабость, свой страх, свои сомнения, свою растерянность...

Немного приведя в порядок информацию, собранную в подпольной арене, Ань Цзялунь засомневался, отправляя её инструктору Цзи Вэйцзя. Кажется, убедительности было недостаточно, или, если бы он не знал точно, что на факультете мехов произойдёт трагедия, кто бы обратил на это внимание? Если отправить в администрацию академии, в лучшем случае курсанты, посещающие подпольную арену, получат взыскание от дисциплинарного комитета, и он сам, возможно, не избежит наказания.

Раз уж начал, доведи дело до конца. Достал электронный планшет и, основываясь на скудных данных, сделал целых семь прогнозов, а затем прикрепил их файлами и отправил инструктору Цзи Вэйцзя. А тот факт, что инструктор Цзи сейчас в отпуске... кхм, это уже не его дело.

Он не стал отправлять письмо анонимно. Во-первых, если инструктор Цзи посчитает информацию важной, выяснить, кто её отправил, не составит труда. Во-вторых, инструктор Цзи и так знал, что он перевёлся с командного факультета на ремонтный, так что скрывать себя не имело смысла. И третье, самое важное: он надеялся, что это зачтётся ему в качестве искупления вины, чтобы в случае расследования академией, когда выяснится, что он тоже часто посещал подпольную арену, он мог бы избежать наказания. В конце концов, это же было проявлением добросовестности.

Думая об этом, Ань Цзялунь почувствовал некоторую неловкость. Ну... пойти ли завтра в подпольную арену?

Это был вопрос, не требующий ответа.

— Давай... злее... ещё злее... Дурак, покажи свою звериную натуру... Вот так, широко открой пасть, покажи зубы...

Как быть жестоким к себе? Для некоторых это серьёзное испытание. Например, для Ань Цзялуня. Его характер был таким от природы, он никогда не был склонен к дракам, и резко измениться было крайне сложно. Поэтому он заготовил для себя план, который в целом состоял из трёх шагов: первое — быть решительным, второе — бить сильно, третье — быть безжалостным.

Стать жестокосердным за короткое время было непросто, но научиться притворяться можно было, найдя объект для подражания. Кто может быть злее аномального зверя? Готовый пример был прямо перед ним, и только дурак не воспользовался бы этим.

— Хлоп!

Ань Цзялунь шлёпнул молодого аномального зверя по голове и с досадой сказал:

— Я велел быть злым, а не милым. Где ты научился такому выражению лица?..

Молодой аномальный зверь, закрывая голову лапами, с обидой заскулил. Кто это каждый день не давал ему наесться, вынуждая бежать на улицу и строить из себя милого, чтобы выпросить еду? Глупый человек, ты думаешь, быть аномальным зверем, живущим среди людей, это легко? Еда, которую он приносил, была не только невкусной, её ещё и катастрофически не хватало.

Подумав об этом, он пришёл в ярость и начал скалиться на человека, к которому привязался.

— Так, так, не двигайся, именно это выражение... Будь ещё злее, напуск, выяви звериную сущность. Запомни: ты должен стать мужчиной, который станет царём аномальных зверей...

— Царём, говоришь...

Молодой аномальный зверь закатил глаза. В трудовом кодексе людей чётко сказано, что эксплуатация детского труда незаконна, особенно если ребёнка не кормят досыта.

В общем, хотя процесс был не без шероховатостей, способность Ань Цзялуня к обучению была неоспоримой. Иначе в прошлой жизни его бы не считали гением из простых.

Когда он снова появился в подпольной арене, Чан Мин, увидев его издалека, тихо удивился и, улыбнувшись, сказал Сун Чэну:

— Уже немного похоже на волчонка, не так ли?

Сун Чэн понаблюдал немного и вовремя сделал комплимент:

— Это всё благодаря вашему воспитанию, брат Мин.

Чан Мин громко рассмеялся.

Девять поражений и шесть побед — таков был итог Ань Цзялуня к концу каникул. В качестве трофея на его шее появились три тонких шрама — память об одной из побед, которую оставил ему дикий волк с одной из осваиваемых ресурсных планет. Официант Юй Сы хотел убрать шрамы с помощью лечебного аппарата, но Ань Цзялунь настоял на том, чтобы оставить их. Это была не его первая победа на ринге, но самая значимая, потому что эти три шрама стали ценой, которую он заплатил за жизнь того волка. Это был первый раз, когда его руки были в крови, и в тот момент, когда кровь волка забрызгала его тело, он словно услышал звук чего-то разбивающегося внутри, словно какие-то оковы были разрушены.

Победить врага, начиная с победы над собой. Чтобы быть жестоким к врагу, нужно сначала быть жестоким к себе. Безопасность превыше всего — это смешно. Если хочешь защитить себя, нужно драться, не жалея жизни, чтобы повалить врага. Уступки, мягкосердечие и милосердие только принесут тебе ещё больше боли.

— Брат Мин, завтра я больше не смогу приходить.

В последний день каникул Ань Цзялунь нашёл Чана Мина, чтобы выразить ему свою благодарность и объяснить, почему больше не сможет приходить.

— Я понимаю, ты курсант Военной академии «Белая лошадь», тебе здесь не место. — Чан Мин рассмеялся и бросил ему бутылку «Ледяного пламени». — На прощание. Носи её с собой. Когда столкнёшься с трудностями, сделай глоток, и ты увидишь, что пока она с тобой, никакие трудности тебе не страшны.

— Спасибо, брат Мин. Тогда... я прощаюсь.